

Н.В. Бугорская

**Языкознание в контексте
гуманитарных исследований
(к постановке проблемы языка науки)**

Язык не является средством,
используемым в целях, которые
можно было бы понять и установить
независимо от самого языка.

В. Декомб

Датой рождения науки о языке принято считать первую четверть XIX в. – время появления сравнительно-исторического взгляда на язык, с каковым связывают становление собственного предмета и метода языкознания. Однако история лингвистических учений, конечно же, не исчерпывается двумя столетиями. Последним предшествовали тысячелетия неослабевающего интереса к феномену языка.

Несомненными достоинствами этой «донаучной» традиции изучения языка являются, по крайней мере, два обстоятельства. Во-первых, импульсом к развитию науки о языке являлись «практические» нужды. Так, например, весьма самобытная и оригинальная филология индийцев выросла из необходимости объяснять ставшие непонятными места в религиозно-философских священных сборниках – Ведах, а наиболее ранним древнегреческим произведением (VI в. до н. э.) является «Риторика» Анаксимена. Во-вторых, языкознание было частью – важнейшей частью – философии, которая обеспечивала методологическую основу объяснения мира, придавая этому объяснению концептуальную целостность.

Выделение языкознания в самостоятельную науку, несомненно, способствовало его прогрессу, но при этом превратило его в науку элитарную и сделало практически недоступным для нужд других гуманитарных наук его достижения. Как следствие такого положения вещей, в глазах обывателя наука о языке прочно ассоциируется исключительно с правописанием.

Между тем роль языка в познавательных процессах¹, его место в трансляции культуры требуют популяризации проблематики науки о языке, достижений и сомнений последней. Особенно актуально это для наук, сделавших предметом своего рассмотрения абстракции

высокого порядка, как то: культура, право, политика, общество и т.п., поскольку данные феномены окончательно обретают свою реальность только в языке, а именно – в значениях слов.

Определяя подобные феномены, необходимо отдавать отчет в том, что язык не пассивно, а очень «своенравно» оформляет результаты познавательной деятельности. Иными словами, в языке отражены не только объективные связи реальной действительности, но и субъективные представления о ней, а также заблуждения носителей языка. Как отмечает Е.В. Рахилина, «...действительность «проецируется» в семантику естественного языка и полученная языковая картина отличается от мира действительности» [2, с. 283]. В этом высказывании обнаруживается новый поворот в исследовании проблематики о языке как картине мира, на который языкознание решилось почти век спустя после идей Л. Витгенштейна.

В качестве примера «языкового заблуждения» в гуманитарной науке можно, пожалуй, привести решение проблемы соотношения права и морали в современной теории права. Эта проблема, похоже, относится к числу вечных, как уверяют теоретики права, в силу сложности и многогранности самих исследуемых явлений.

Представляется, что «сложность и многогранность» явления, подвергающегося научному анализу, зачастую несколько преувеличивается, и виной тому языковые связи, отражающие логику обыденного познания, которое, как известно, отличается от научного. На это обращает внимание Г.Г. Гадамер, замечая, что «структура научно обосновывающего высказывания должна быть отделена от структуры донаучного высказывания» [3, с. 49].

В данном случае теория права «спотыкается» о такое привычное для любого лингвиста языковое явление, каким выступает асимметрия языкового знака, в частности полисемия, или многозначность.

Суть полисемии заключается в следующем: с одним звуковым комплексом у носителей язы-

¹Для иллюстрации важности данной роли приведу давно уже ставшее хрестоматийным выражение Л.С. Выготского «Мысль не выражается в слове, *но совершается* (курсив наш. – Н.Б.) в слове» [1, с. 305].

ка могут ассоциироваться различные значения, которые уточняются, как правило, в контексте, «снимающем» неоднозначность понимания. Согласно традиционно-лингвистическим представлениям значения эти составляют лексико-семантическую систему слова и генетически связаны между собой, т.е. образуются путем метафорического или метонимического переноса. Переносное значение зачастую развивается на основе периферийных семантических компонентов, случайных признаков. Связь между значениями слова, представляющая интерес для этнопсихологов и этнолингвистов, далеко не всегда отражает связи между явлениями объективной действительности, здесь, как уже отмечалось, отражена логика познания языковым коллективом окружающей действительности, отягощенная часто ложной причинностью. Что же касается самой объективной действительности, то в различных значениях, соотносимых с одним звуковым комплексом, могут быть обработаны различные фрагменты социального опыта, различные явления.

Категории *мораль* и *право* не относятся к числу *предельных*, т.е. тех, которые нельзя подвести под более общие понятия (в отличие, например, от категорий *материя* – *сознание*, *форма* – *содержание*, *причина* – *следствие* и т.д.), следовательно, сравнивая право и мораль, необходимо ориентироваться на их родовые понятия, признаки которых и задают основания для противопоставления видовых. Отсюда два практических соображения: во-первых, нельзя сравнивать явления разного порядка, так как здесь отсутствует основание для противопоставления, сопоставляемые сущности должны быть обязательно соотнесены по какому-либо основанию; во-вторых, сравнивая логически соотносимые сущности, однопорядковые, нельзя производить это сравнение, оперируя признаками различных родовых понятий. Иначе говоря, если мы рассматриваем *корень* как *математическую величину*, то не прилагаем к нему признаки *корня как части растения* и наоборот.

Экскурс в историю проблемы соотношения *морали* и *права* обнаружил, что в различные эпохи и в различных теориях данные категории отражают различные теоретико-гносеологические конструкции. Можно выделить, по крайней мере, следующие гносеологические конструкции, стоящие за фасадом антиномии «мораль – право».

1. Мораль и право представляют собой **формы общественного сознания**. В такой постановке вопроса они в первую очередь должны

соотноситься с категорией общественного бытия (*бытие* и *сознание* – предельные категории диалектического материализма).

2. Мораль и право соотносятся как **содержание** и **форма** одного явления, и в этом аспекте проблема соотношения права и морали имеет вид юридической проблемы источника права.

3. Мораль и право соотносятся как **нормативные регулятивные системы**, два особых, конкурирующих механизма регулирования общественных отношений.

4. Мораль и право соотносятся как **внутреннее** и **внешнее** по отношению к субъекту принуждения.

Практически все исследователи подчеркивают многогранность явлений *права* и *морали*, и на первый взгляд это не вызывает возражений. Однако если в отношении права можно сказать, что речь идет о различных аспектах одного явления, поскольку перечисленные трактовки права вполне увязываются друг с другом, то в отношении морали мы, по-видимому, имеем дело с различными феноменами.

Иными словами, право, являясь формой общественного сознания (п. 1) (чему, кстати, не противоречит трактовка его как формы (п. 2)), может одновременно с точки зрения своей структуры выступать как нормативная система (п. 3), внешняя по отношению к субъекту (п. 4); что же касается морали, то, будучи формой общественного сознания (п. 1), она одновременно не может являться своим же собственным содержанием или же содержанием прочих форм общественного сознания (п. 2). Будучи механизмом внутренней регуляции, т.е. саморегуляции, мораль в таком случае не может обеспечиваться общественным мнением – внешним по отношению к индивиду. Допустить обратное означает признать, что мораль является и внутренним, и внешним способом регуляции поведения и в любом случае не может быть противопоставлена праву на этом основании. Кроме того, допуская правомерность противопоставления права и морали как внешнего и внутреннего принуждения, необходимо осмыслить два момента. Во-первых, если право есть внешнее по отношению к человеку, то каким образом оно может регулировать индивидуальное поведение. В таком случае остается признать, что либо оно не регулирует это поведение вовсе, что исключает его из средств социальной регуляции, либо оно регулирует его через мораль, как внутренний механизм регуляции; либо право имеет свой отличный внутренний механизм регуляции.

Несомненно, для того чтобы воздействовать на волю человека, необходимо прежде

всего воздействовать на другие элементы сознания, чтобы «внешняя» информация преобразовалась во «внутренний» сигнал, т.е. необходим некий внутренний механизм, который, кстати сказать, можно называть моральным в той же степени, как и правовым, так как он является общим не только для права и морали и носит название социальной установки.

Подчеркнем еще раз, что обозначенные нами гносеологические модели являются не *аспектами* одного и того же объекта научного интереса, а *самостоятельными объектами*, смешение которых влечет за собой подмену понятия. В качестве иллюстрации к вышесказанному рассмотрим примеры рассуждений некоторых исследователей, занимавшихся данной проблемой.

Так, например, Н.И. Матузов заявляет обший подход к праву и морали как нормативным регуляторам, затем незаметно для себя исследует другие аспекты. В результате, во-первых, сводит право к законодательству, во-вторых, размыкает понятие морали. Его определение права – как возведенной в закон нравственности – свидетельствует о том, что мораль (нравственность) понимается как источник права (его содержание). При этом Н.И. Матузов не хочет «упускать» и линию Канта, и механически совмещает разные феномены в одно целое – «мораль имеет внутренний и внешний аспекты» [4, с. 293].

Л.С. Явич начинает с рассмотрения морали и права как оценочных форм познания действительности, отличных от науки. Именно оценочным характером их как способов освоения мира объясняет он их идейную близость. Фактически речь идет о морали и праве как о формах общественного сознания. Здесь же, буквально в следующем абзаце, речь заходит уже об их регулятивной стороне: «право и нравственность в одинаковой мере являются регуляторами поведения людей» [5, с. 36]. И далее: «...механизм нравственного регулирования поведения состоит в том, что тут на первом плане находится внутреннее убеждение людей», а нормы законодательства «будучи поддержаны государственным принуждением, оказывают на поведение людей внешнепринудительное влияние» [5, с. 38]. Таким образом, мораль

как нормативный регулятор сводится к механизму саморегуляции, но обеспечивается при этом общественным мнением.

С.С. Алексеев понимает мораль и право, во-первых, как регулятивные механизмы, во-вторых, как формы общественного сознания. Например: «Хотя право и мораль – самостоятельные, «суверенные» механизмы регуляции и формы духовности...» [6, с. 679]. Подтверждение тому, что мораль понимается как *содержание*, находим и в следующих словах: «Но мораль не только регулятор, она одновременно (одновременно ли? – Н.Б.) выступает в качестве идеалов и ценностей...» [6, с. 675]. К морали как содержанию исследователь прилагает даже особый термин – нравственность, хотя в целом не следует этой терминологии в своем анализе. Несколько ранее прямо говорится о необходимости различать ее (морали) уровни [6, с. 334], и в ряду последних называет уровень элементарных требований, императивов, максим, заповедей – нормативный уровень, надо полагать, – и внутренний моральный план [6, с. 334], т.е. мораль предстает одновременно и как внешнее, и как внутреннее. Далее исследователь подчеркивает различия: «...мораль устремлена на то, чтобы идеалы справедливости, добра, иные моральные требования воздействовали на человека преимущественно *изнутри* (курсив автора цитаты. – Н.Б.), через его сознание, через его духовный мир при помощи стимулов сознания и общественного мнения. Право же – преимущественно регулятор *внешний* (курсив мой. – Н.Б.), он призван регламентировать людские поступки главным образом путем установления формально-определенных, писанных норм..., поддерживаемых властью» [6, с. 335].

Таким образом, словом *мораль* в теории права маркируются взаимоисключающие в рамках диалектического материализма категории, как то: форма и содержание, внешнее и внутреннее, – делая невозможным подведение морали ни под одну из них и использование ее для целей научного анализа.

Между тем содержание научной категории, маркированной языковой единицей (словом, словосочетанием), не тождественно значению последней², и категоризация того или иного понятия должна сопровождаться разрывом или,

² Об этом свидетельствует уже то обстоятельство, что языковой знак может одновременно обозначать взаимоисключающие понятия. Традиционная лингвистика (обходя вопрос *как это возможно?*) называет данное явление энантиосимией. Возможно, ответ на данный вопрос будет получен в рамках нового направления в языкознании, получившего название *когнитивистики*, *когнитивной лингвистики*. В соответствии со своей направленностью когнитивная лингвистика рассматривает значение слова как «некий когнитивный механизм обработки индивидуального опыта» [7, с. 23], подчеркивая его (значения) процессуальную природу.

во всяком случае, ревизией языковых связей слова, обозначающего данное понятие. В противном случае происходит фетишизация языкового знака. По данному поводу достаточно резко высказывался Ф. Ницше. По его мнению, «тайна» всей предшествующей философии – это тайна происхождения языка. Раскрытие тайны происхождения языка должно привести к деструкции как традиционной философии, так и морали, религии, науки, т.е. всех областей духовно-практической деятельности, которые базируются на языковых заблуждениях. Фетиши языка и есть социальные, нравственные, правовые фетиши. Фетишизация сознания превращается в свойство любого несвободного сознания, она делает возможной ситуацию манипулирования человеком, отработки особых форм воздействия на него извне.

Смутное сознание различий между языковым значением и содержанием категории влечет попытки исследователей «уточнить значение слова» в научных статьях (См., например, статью А.В. Метелева «Ментальность в этимологической (точнее языковой. – Н.Б.) и категориальной системах» [9]), что по сути является не чем иным, как определением содержания категории. Несмотря на некоторые расхождения с автором данной статьи по поводу роли историко-лингвистического анализа для нужд науки, – автор указанной статьи отмечает,

что подход к уточнению значения слова *ментальность* (читай – содержания категории ментальность) «от этимологии» малопродуктивен, хотя сам не пренебрегает историко-лексикологическим анализом, – заметим, что сам факт противопоставления языковой и категориальной систем весьма показателен.

Характеризуя особенность современного состояния теоретической науки, В.С. Библер замечает: «К середине XX в. теоретик подошел к решающему парадоксу. В самых различных науках почти одновременно обнаружилось, что дальнейшее развитие (и само существование) теоретического знания зависит от решения одной проблемы: теоретик должен оказаться способным логически обоснованно формировать и преобразовывать логические начала собственного мышления... Это означает, во-первых, что необходимо освоить логический смысл таких творческих, глубоко интуитивных (?) процессов, как изобретение изначальных теоретических идей и понятий...» [10, с. 23].

Представляется, что решение данной задачи невозможно без учета закономерностей концептуализации действительности и языковой номинации, выявленных и выявляемых лингвистической наукой. Более того, лингвистический анализ необходим для разрешения проблем, связанных со способами получения и эволюцией знания.

Литература

1. Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1992.
2. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты // Семиотика и информатика: Сб. научных статей. М., 1998.
3. Гадамер Г.Г. Диалектическая этика Платона. СПб., 2000.
4. Матузов Н.И. Социалистическое право и коммунистическая мораль в их взаимодействии. Саратов, 1969.
5. Явич Л.С. Сущность права. Л., 1985.
6. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999.
7. Пищальникова В.А. Мышление и речь // Общее языкознание. Барнаул, 2001.
8. Ницше Ф. Сочинения. М., 1998.
9. Метелев А.В. Ментальность в этимологической и категориальной системах // Известия АГУ. Барнаул. 2000. №4.
10. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры. М., 1991.